

Журнал "Искатель"

№ 05, 1962

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Ж92

Ж92 Журнал "Искатель": № 05, 1962 / – М.: Книга по Требованию, 2017. – 164 с.

ISBN 978-5-458-66569-8

«Искатель» — советский, затем российский журнал, публикующий фантастические, приключенческие и детективные произведения, научно-популярные очерки, а также художественную и учебно-развивающую литературу для детей от 2 до 14 лет. Основан в 1961 году, в год столетнего юбилея журнала «Вокруг света», как литературное приложение к последнему. Был анонсирован в 1960 году, в ноябре 1960 года должен был выйти первый номер, который был отменен. В первом вышедшем номере журнала были опубликованы напутственные статьи Михаила Шолохова и Ивана Ефремова. До 1997 года выходил шесть раз в год, затем стал ежемесячным. С 1996 года — независимое издание.

ISBN 978-5-458-66569-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

стический» проект исследования внутреннего строения Земли предложили физики.

Исследования структуры материи могут проводиться с помощью частиц, которые названы учеными «снарядами», — частиц с наибольшей пробойной силой, нейтрино.

Нейтрино, по представлениям современных физиков, обладает способностью «прострелить» насквозь земной шар. Советские ученые считают, что в перспективе возможно создание такой установки, которая позволила бы использовать нейтрино для просвечивания всей толщи земного шара.

Понятно, что изучение нейтрино в космических лучах представляет большой принципиальный интерес. Особое значение для этой работы будет иметь установка, создаваемая грузинскими физиками. Основные параметры ее уже определены.

Известно, что, подобно рентгеновским лучам, частицы высоких энергий, проходя через слои различной плотности, теряют часть своей энергии, а то и вовсе поглощаются средой. Этим-то и объясняется появление на специальном экране рентгеновского аппарата изображения различных предметов. Некоторое весьма отдаленное сходство будет иметь с рентгеновским аппаратом и установка по работе с нейтрино.

Физики считают, что «фотографию» внутреннего строения Земли им удастся получить намного раньше, чем другие ученые иными методами смогут исследовать сокровенные недра нашей планеты.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

№5 (11) 1962

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

КОСМОС БУДЕТ ПОКОРЕН

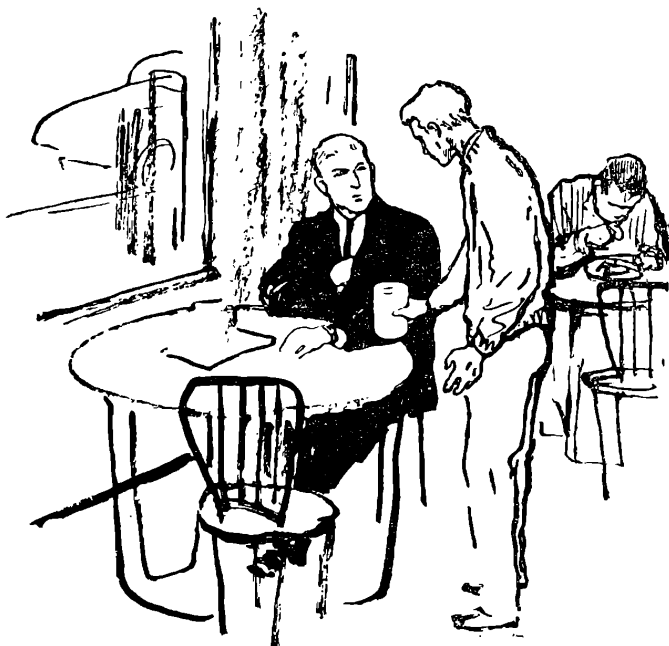
**ПОЕДИНОК
В ЛЕДЯНОЙ ПУСТЫНЕ**

**КОМСОМОЛЬЦЫ —
БЕСПОКОЙНЫЕ СЕРДЦА**

*За Ихтиандром в глубь
океана*

ЧУДЕСА ФИЗИКИ

Смех О'Генри

НИЧЬЯ

Рисунки П. Павлинова

Автобус с туристами отошел от скромного домика, где некогда родился великий поэт Германии.

— Александр Иванович! — крикнули из окна автобуса. — Что же вы?

Немолодой человек в темном костюме, улыбнувшись, помахал рукой. Он вынул из кармана бланк адресного стола, внимательно прочитал его и зашагал в обратную сторону. Он шел не торопясь, оглядывая улицы ищущим взглядом.

* Повесть печатается в сокращении. Полностью она будет опубликована издательством «Молодая гвардия» под названием «Белая земля».

дом приезжего. Город был красив, весь в зелени садов. Рядом с черепичными крышами старинных особняков и островерхими башнями церквей подымались новые здания из бетона и стекла.

Человек на секунду задерживался на перекрестках, читая таблички с названиями улиц, и сворачивал в нужную сторону.

Внизу за гранитной набережной лежала широкая серозеленая река. Суетились буксиры и катера, неторопливо плыли вереницы барж. С прогулочных теплоходов неслась музыка.

Человек свернул к центру города. Здесь его темный костюм особенно выделялся среди ярких плащей, курток и рубашек уличной толпы. На стенах висели плакаты: толстый человек измерял штангенциркулем серебряную марку. Подпись гласила: «Если ты не хочешь, чтобы наша марка стала меньше, голосуй за Эрхарда — ХДС!»

Приезжий равнодушно скользил взглядом по изобретательным приманкам бесконечных витрин. Вдруг он остановился.

За окном на темном бархате лежали ордена. Железный крест, рыцарский крест, дубовые листья к рыцарскому кресту, крест за тыловую и этапную службу, бронзовый щиток участника боев в Крыму, медаль за зимнюю кампанию 1941—1942 годов... Человек изумленно поднял глаза на вывеску. Нет, это не была лавка древностей. Обычный ювелирный магазин. Здесь каждый мог приобрести себе соответствующий орден.

Было душно. Приезжий снял шляпу. У него были сильно тронутые сединой волосы, простое, чуть скуластое лицо.

ЗЕМЛЯ*

Он снова вынул из кармана карточку адресного стола и прибавил шаг. Он шел теперь быстро, внимательно глядясь в номера домов. Наконец остановился перед серым четырехэтажным домом. Еще раз сверил адрес. Все правильно. Над подъездом висели медные номера квартир.

Человек сделал шаг к массивной двери и остановился. Он постоял в нерешительности перед подъездом, потом перешел на противоположную сторону улицы и вошел в небольшое кафе.

В зале было немногочисленно. Кельнеры убирали со столов чашки из-под кофе и пустые рюмки. В углу двое подростков кидали никели в игровой автомат. Приезжий сел за столик у окна. За соседним столиком пил пиво широкоплечий парень в пестрой рубашке.

Кельнер положил на стол круглую картонку с надписью: «Избавь нас, боже, от злого взгляда, большого зноя, ненастья тоже» — и поставил на нее высокую глиняную кружку темного пива.

Послышалось осторожное позвякивание. У столика оставился худощавый юноша в сером потертом свитере. В руках у него был небольшой металлический ящик-копилка.

— Алжирским детям! — строго произнес он.

Парень в пестрой рубашке, не подымая глаз, ел шницель. Приезжий положил в кружку несколько монет.

— Спасибо, — с достоинством сказал юноша и двинулся дальше.

Еще несколько раз звякнули упавшие в кружку монеты.

Вечерело. От стоящего поодаль собора доносился явственный даже в уличном шуме перезвон колоколов. Неожиданно могучий рев заглушил все. Зазвенели стекла. Люди, повскакав с мест, прильнули к окнам. Над готической колокольней собора низко, едва не коснувшись шпиля, пронеслись два стремительных треугольника.

— «Локхид»! — восторженно воскликнул парень в пестрой рубашке.

— «Спитфайер», — поправил кто-то.

— Жаль, не «мессершмитт»... — парень бросил на стол деньги и вышел.

Человек в темном костюме задумчиво посмотрел ему вслед...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Гулко бьется сердце. Темнота. Комок тошноты у горла. Я сижу на узкой жесткой койке. Сильно качает. Пахнет сыростью. Отдергиваю штору светомаскировки. За круглым иллюминатором тусклый рассвет. Проступают очертания тесной каюты. Верхняя койка пуста. Мой сосед штурман Иенсен на вахте. Значит, он ничего не слышал. Проклятый кошмар! Снова я проснулся от него. Каждый раз одно и то же...

...Над степью беззвучно летят грязно-серые самолеты с черными крестами на хвостах. Они летят не торопясь, спокойно выглядывая цель.

Один из них нависает надо мной. Помедлив мгновение, бросается вниз, и сразу исчезает тишина. Все ближе нарастающий вой. Тело тщетно пытается уйти в землю. От самолета отделяется черная капля. Она неудержимо приближается. Нет сил пошевелиться, отвести взгляд. Черный овал закрывает весь мир. Из груди вырывается отчаянный немой крик...

Я открыл иллюминатор. В кабину ворвался холодный воздух. Тошнота отступила. Закутавшись в одеяло, откинулся к стенке. Прикрыл глаза. И тут же вновь встала выжженная степь у переправы, вспененный взрывами Дон и надвигающаяся армада грязно-серых «юнкерсов»...

Где теперь моя третья стрелковая? Я не имел никаких вестей от ребят уже несколько месяцев — с того самого дня, когда меня после выздоровления от контузии неожиданно вызвали в штаб и приказали отправиться в Москву для подготовки к заграничной командировке...

Я закурил «Кемел». Никак не могу привыкнуть к этим легким сигаретам после солдатской махорки. Заснуть уже не удастся.

Послышалась боцманская дудка. Потом — топот ног. Начинаясь новый день. Я поднялся. Надо было проверить груз. В трюме «Святого Олафа» — старого норвежского транспорта — тщательно принятовлены драгоценные станки. Я должен доставить их из Лондона на авиационный завод, где работал до войны. Завод теперь на Урале. Мои товарищи по командировке уже, наверное, вернулись на Родину: как-то трудно сейчас сказать — домой. А на мою долю выпала неожиданная морская прогулка. Холодное море, погашенные огни, тревожные сигналы эсминцев конвоя...

Сверху донеслась музыка. Неожиданная на корабле, но я уже успел привыкнуть к ней за время пути. Песня Сольвейг. Когда в апреле сорокового года гитлеровцы захватили Норвегию, «Святой Олаф» случайно оказался в канадском порту. Теперь он плавал под английским флагом, но почти вся команда по-прежнему состояла из норвежцев, и капитан Сельмер Дигирнес на подъем флага вместо «Правь, Британия, морями...» упорно ставил пластинку Грига.

Я оделся и вышел на палубу. В промозглом сером утре под песню Сольвейг медленно полз вверх по флагштоку восьмилучевой британский крест на синем поле — «Юниор Джек».

На мостике маячила коренастая фигура Дигирнеса. Козырек фуражки, вислый нос и зажатая в зубах трубка обращены на юг — туда, где за горизонтом лежат берега Норвегии.

Я поднялся на мостик. Дигирнес протянул руку.

— Доброе утро, мистер Колчин. Хау дид ю слип? — оч изъясняется со мной на жутковатой смеси русского с английским.

— Отлично. Никогда не спал лучше.

— Воздух, — говорит Дигирнес. — Воздух нашего Норвежского моря — замечательное средство от всех болезней. Верно, Роал?

Мой сосед по каюте штурман Иенсен молча кивает. Его не легко заставить заговорить. Дигирнес в этом отношении исключение среди норвежцев. В его роду все мужчины становились пасторами. Он первым, мальчишкой убежав из дому, нарушил традицию. Но груз наследственности давал себя знать.

Над морем расходился туман. Вода была серо-зеленой, местами белел битый лед. Небо облачно. Это успокаивало. Мы опасались главным образом немецких бомбардировщиков.

Базируясь на севере Норвегии, гитлеровцы зорко стерегли эту зыбкую морскую тропинку, связывающую нас

с союзниками. В мае им удалось потопить два английских крейсера. В июле — растрепать огромный караван, или, как говорят англичане, «конвой». Из тридцати пяти судов пошли ко дну двадцать два.

От камбуза тянуло дымком. Сейчас меньше начало. Я почувствовал голод.

— После завтрака приходите ко мне! — крикнул Дигирнес. — Я сейчас передам вахту.

2

Когда я вошел в каюту, капитан сидел перед старинной библией в кожаном переплете — реликвией, переходившей из поколения в поколение Дигирнесов. На столе стояла квадратная бутылка джина, дымящийся термос с кипятком и открытая банка консервированного лимонного сока.

Капитан знаком указал мне на стул.

— Вы слышали когда-нибудь про бой Давида с Голиафом?

— Немного. Кажется, Давид уложил его камнем из рогатки.

— Из пращи, юный язычник... «И опустил Давид руку свою в сумку, и взял оттуда камень, и бросил из пращи, и поразил филистимлянина в лоб, и он упал лицом на землю. Так одолел Давид филистимлянина пращей и камнем, меча же не было в руках Давида», — Дигирнес шумно захолопнул книгу. — Что вы будете пить? Чистый джиг?

— Никак не привыкну к этой соленой водке. Лучше грог.

Капитан одобрительно кивнул. Он собственноручно готовил грог, рецептом которого очень гордился. Надо признаться, рецепт был незамысловатый: на полстакана водки — полстакана крутого кипятку, несколько кусков сахара и немного лимонного сока. Дигирнес наполнил два стакана.

— Ну-ка, попробуйте.

Я осторожно отпил глоток обжигающего напитка.

— Ну как? Не мало джина?

— Нет. В самый раз.

Дигирнес отхлебнул добрую половину своего стакана, поморщился.

— Горячая вода. — Он долил стакан из квадратной бутылки. — Давайте я вам гоже добавлю.

— Спасибо. Мне достаточно.

Дигирнес допил стакан и тут же налил себе снова.

Что-то случилось. Недаром капитан перечитывал притчу о Давиде и Голиафе. Он не мог забыть позора девятого апреля сорокового года. Сданных без выстрела береговых укреплений Нарвика, несработавших минных полей Ослофьорда.

Давид победил Голиафа. Почему же сделалась без боя его гордая страна, у которой если не меч, то уж праща-то бы-

ла в руках! Но что заставило Дигирнеса сегодня снова вспомнить об этом?

— Вы чем-то расстроены, капитан?

— Нет, все хорошо. Все идет хорошо. Слишком хорошо, чтобы это продолжалось долго... Налить вам еще?

— Только немного. Я еще не спускался в трюм.

Дигирнес посмотрел на меня поверх стакана.

— Вы думаете, кому-нибудь еще нужны эти станки?

— Полагаю, да.

Дигирнес налил себе чистого джина.

— Я слушал сегодня сводку, — сказал он. — Бои идут уже у Волги.

Было очень трудно слышать это, но я сдержался и как можно спокойней сказал:

— Дальше они не пройдут.

— Вы уверены?

— Да. За Волгой сейчас стоит вся Россия.

— У вас гигантская страна, — вздохнул Дигирнес, — но не все, мой друг, решается размером. Нас, норвежцев, всего три миллиона, но если у вас был Петр Великий, то у нас — король Сверре. У вас — Достоевский и Толстой, а у нас — Бьернсон и Ибсен.

Капитан вдруг притих и, допив стакан, буркнул:

— Это честный морской счет. Книги Гамсуна я еще год назад выбросил за борт.

Он взял бутылку и потянулся к моему стакану. Я накрыл его ладонью.

— Видите ли, капитан, у нас нет не только Гамсуна, но и Квислинга.

Это было жестоко по отношению к старику, но он слишком раскис сегодня. Мне не хотелось, чтобы он раскисал. У него в Тромсе осталась семья, он не видел ее уже больше двух лет. Дигирнес опять налил себе.

— Крепины с протухшим жиром вместо мозгов! — вдруг воскликнул он. Моряк в нем, видно, совсем забил в этот момент пастора. — Обжирались копченой селедкой и думали, что нас оставят в покое в наших фьордах! Будь трижды прокляты сытость и беспечность!

Переplet старинной библии жалобно пискнул под ударом кулака. Таким капитан мне нравился больше.

В иллюминатор заглянуло солнце. Я посмотрел на часы. Было без двадцати двенадцать. Я поднялся.

— Куда вы? — спросил Дигирнес.

— Вышло солнце, Иенсен сейчас будет брать широту. Дигирнес улыбнулся.

— Я все забываю, что вам только двадцать пять лет.

3

Я стоял на мостике с секстантом в руках и старался поймать отражение солнечного луча. Мне была немного знакома авиационная навигация — во время легкой практики в институте я работал дублером штурмана и теперь

пользовался каждым случаем, чтобы постичь премудрость кораблевождения. Молчаливый Иенсен уже доверял мне самостоятельно определяться по солнцу.

Мне почти удалось совместить солнечный луч с точкой горизонта, как вдруг горизонт сдвинулся с места. Это было невероятно. Я снова навел прибор. Намеченная точка оторвалась от горизонта. Она приближалась к нам. Я опустил секстант и взял бинокль. С юга к нашему каравану, спутав осень с весной, стремительно приближался четкий клин журавлиной стаи.

И в тот же миг завывли сирены судов. Послышалась команда Иенсена. На «Олафе» забил колокол громкого боя. Я бросился на корму — там у пожарной помпы было мое место по боевой тревоге.

Бой длился всего несколько минут. Он окончился раньше, чем я успел добраться до своей помпы. «Юнкеров» встретил огонь всех зенитных стволов кораблей конвоя. Клинь раскололся пополам и исчез из виду. Через несколько мгновений «юнкеры» появились с востока. Конвой не успел перестроиться. Несколько самолетов прорвалось к транспортам. На «Олафе» забили пулеметы.

Со второго захода пикировщик положил бомбу у нас за кормой. Меня бросило на палубу. Кто-то страшно закричал рядом.

Когда я поднялся, столб воды от взрыва еще не успел опасть, но бой уже заканчивался. Рядом с нами кормой в воду уходил эсминец. У него заливало трубы, а с бака еще бил трассирующими спаренный зенитный пулемет. С тяжелым воем падал в воду пикировщик. «Юнкеры» вразброд тянулись к югу. Два транспорта горели.

«Олаф» как-то странно рыскал из стороны в сторону. Я вернулся в рубку. Капитан Дигирнес чертыхался в переговорную трубу.

— Рубль, — сказал Иенсен, — проклятая бомба. Мы потеряли управление.

Это была очень длинная для него фраза.

Я вышел на ходовой мостик. На воде расплывались радужные масляные круги. Возле горящих транспортов суетились спасательные лодки. Несколько шлюпок и моторных баркасов подбирали команду затонувшего эсминца.

По палубе пронесли на носилках незнакомого мне матроса. Кажется, он был уже мертв. Матросы, которые несли носилки, скосив глаза, смотрели на юг. Я тоже посмотрел на юг. Горизонт пока был чист. Два эсминца ставили дымовую завесу. Черный дым стлался низко над водой.

Мы все еще крутились на месте. Дигирнес торопливо прошел в радиорубку. Он пробыл там четверть часа и вышел очень озабоченным. На флагманском крейсере вверх по флашштоку побежала вереница сигнальных флажков. Видимо, сигнал был адресован нам, потому что все вокруг подтянулись. Дигирнес что-то приказал, и на «Олафе» подняли такие же флажки.

— Что это? — спросил я.

— «Желаем удачи». — Дигирнес положил мне руку на плечо. — Вы сразу попали в хорошую переделку, мой друг. Я отказался от буксира. Я не могу задерживать караван. Постараемся справиться своими силами и догнать их завтра.

Караван медленно уходил на восток. С юга все шире расплзалась полоса дымовой завесы. В багровом дыму догорали два транспорта. Мы остались одни посреди холодного моря.

4

Ночью с Атлантики потянул ветер. К утру разыгрался настоящий шторм. О ремонте не могло быть и речи. Дигирнес, маневрируя машинами, только пытался держать «Олаф» против волны. Нас несло штормом на северо-восток. Утром «Олаф» запросили по радио с флагмана. Дигирнес ответил, что все в порядке и скоро надеется нагнать караван. Он хорошо понимал, что попытка пробиться к нам на помощь может дорого обойтись другим кораблям.

На второй день в трюмах показалась вода. Найти пробоину не удалось — по трюму, сорвавшись с найтовых, с грохотом двигались мои драгоценные ящики со станками.

На третий день механик доложил, что топлива до Мурманска не хватит. Дигирнес остановил машины и разрешил сообщить кодом о нашем положении. Но на отчаянные призывы радиста «Олафа» никто не отозвался. «Олаф» уносило все дальше на северо-восток. Транспорт дал заметный крен на левый борт — помпы не справлялись с откачкой воды.

Я встретился с капитаном в кают-компании, куда он заскочил на секунду выпить горячего чая.

— Где мы? — спросил я.

— У черга в пекле. — Дигирнес прислушался к вою ветра.

— И надолго?

— Не знаю... — Капитан, обжигаясь, допил чай. — Уповайте на милосердие божие... Тут есть островок — ничья земля...

Он не договорил — не хотел искушать словами судьбу. Вбежавший матрос позвал капитана в радиорубку. Дигирнес, оставив стакан, бросился к трапу. Я поспешил за ним.

Молодой англичанин-радист с воспаленными от бессонницы глазами радостно метнулся навстречу капитану.

— Ну? — спросил Дигирнес.

— Нам отвечают. Вот радио, — радист протянул бланк радиограммы и счастливо улыбнулся.

Он плавал первый год, и ему, видно, было очень жутко один на один с оглохшим эфиром. Дигирнес, взглянув на бланк, нахмурился.

— Почему открытый текст?

Улыбка сползла с лица радиста.

— Я дал «SOS»...

— Что?!

— Я думал... Теперь все равно...

— И наши координаты?

Радист попятился.

— Мальчишка!

Я на всякий случай встал между радистом и капитаном. Дигирнес шумно вздохнул.

— Я предам вас военному суду. Кто это? — он тряхнул радиограммой.

— Не знаю... Я поймал не сразу... Они радировали по-английски.

— Запросите — кто?

Радист кинулся к передатчику.

— Кодом?

Дигирнес махнул рукой. Застучал ключ. Мы молча ожидали ответа. И снова по какой-то причине радисту не удалось принять начала ответной радиограммы. Под писк морзянки его карандаш стремительно бежал по бумаге.

«...Следуйте нашим указаниям, — писал он по-английски. — Держитесь норд-ост-норд». — Дальше шли градусы и румбы. Связь оборвалась. Несмотря на все старания радиста, неизвестная радиостанция не отвечала.

Мы с Дигирнесом вышли из радиорубки. Капитан вызвал к себе Иенсена и главного механика. После короткого совещания механик ушел. Дигирнес сам встал к машинному телеграфу. «Олаф» тяжело развернулся. Мы легли на норд-ост-норд.

5

Было еще светло, когда впереди показалась извилистая полоса берега. Радист принял обрывок новой радиограммы. Там опять уточнялся наш курс к острову. Дигирнес подчинился этому указанию. Трудно было предположить, что так далеко на севере мог оказаться враг.

Мы вошли в узкий, глубоко вдающийся в сушу залив. Здесь было тихо. Ветер остался позади.

Я стоял на мостике рядом с Дигирнесом. В наступившей тишине звонко кричали птицы. Чайки кружились над нашей палубой. По сторонам залива лежал пологий берег. К нему нетрудно было пристать.

Вся свободная от вахты команда была на баке. Люди молча смотрели на приближающуюся землю. Дигирнес, не снимая руки с машинного телеграфа, негромко командовал рулевому. «Олаф» осторожно продвигался вперед.

— Кажется, вам придется представить радиста к ордену, — сказал я.

Капитан, не ответив, перебросил ручку телеграфа на «малый». И тут же палуба ушла у меня из-под ног. Я едва успел вцепиться в поручни.